

**С.Н. Булгаков о взаимоотношениях Церкви и государства в России
(1902-1918гг).**

Религиозно-политическая ситуация в России в начале XXв.

В конце XIX – начале XX вв. в светской и церковной печати развернулась полемика о состоянии свободы совести в Российской империи, о соответствии принципов имперской веротерпимости нормам европейского законодательства*. Имперский характер российского политического механизма в силу своего специфического устройства обеспечивал возможность управления государством, многочисленные народы которого находились на разных стадиях культурного, социального, экономического и политического развития.

Необходимость постоянного поддержания общественного порядка на огромном евразийском пространстве, разделенном на множество этнических и религиозных границ, отделяющих сообщества с четко выделенной верой и определяемых культурой, органически связанной с данной верой, друг от друга, исторически являлась приоритетной задачей российской монархии. Религиозная политика монархии, преследовавшая цель поддержания устойчивого правопорядка, регулировавшего сложные процессы межрелигиозных коммуникаций, опиралась на принципы имперского православного патернализма, направленного на сохранение и стабилизацию религиозно-этнических границ внутри обширного евразийского государства.

Религиозно-административная вертикаль, возглавляемая монархией, предусматривала специфическую практику государственного регулирования деятельности религиозных сообществ в соответствии с иерархическим принципом устройства системы вероисповедных отношений. Правовым выражением имперской практики веротерпимости являлось равенство признанных религиозных сообществ перед законом. Непризнанные религиозные общества законодательством игнорировались и поэтому не имели никаких прав. Необходимо отметить, что осуществляемая монархией до 17 апреля 1905г (указ «Об укреплении начал веротерпимости»)** и

* Принципы религиозной свободы, выработанные западной правовой мыслью ко второй половине XIX века, в изложении известного либерального правоведа А.Д. Градовского включали следующие положения: а) свободу публичного отправления богослужения по обрядам своей веры; б) свободу избрания вероисповедания; в) свободу проповеди с целью обращения в свою веру лица, принадлежащего другому исповеданию, и основания новой церкви, г) возможность пользоваться всеми политическими и гражданскими правами, несмотря на принадлежность к той или другой церкви. Тем самым референтная для российских либералов полная свобода совести предполагала неотъемлемое право личности свободно и без участия государственной или церковной власти избирать то или иное религиозное сообщество и беспрепятственно следовать его вероучения и обрядовой практике. Однако последовательная реализация указанных положений была свойственна, по справедливому замечанию Градовского, далеко не всем западноевропейским государствам. Градовский А.Д. Собр. соч. Начала русского государственного права. Ч. 1. О государственном устройстве - СПб., 1901. Т. 7. с. 333–335;

** В соответствии с пунктом первым Указа, отпадение от Православия в какое-либо иное христианское исповедание или вероучение не должно преследоваться по закону и влечь за собой невыгодных последствий для отпавшего.

позднее, административно-правовая практика веротерпимости предполагала дискриминационные и репрессивные меры, направленные на ограничение религиозных свобод, прежде всего старообрядцев и сектантов, и уголовное преследование неправославного прозелитизма.¹

Поэтому нормы религиозного законодательства, действовавшие в империи в конце XIX – начале XX вв., относительно неправославных религиозных сообществ имели ряд ограничений, касавшихся таких важных принципов вероисповедной свободы, как свобода миссионерской деятельности, свобода избрания веры и образования новых религиозных групп среди признанных законом вероисповеданий, а также зависимость личных прав подданных от вероисповедания. В законодательном аспекте веротерпимость, по сути, выражала государственную концепцию свободы совести и веры, согласованную с интересами Русской Церкви и монархии².

Обсуждение вопроса о границах религиозной свободы, о правах инославных христиан, старообрядцев и сектантов, побудило представителей либерального и консервативного направлений российской общественной мысли сформулировать свои позиции относительно положения Русской Православной Церкви в системе институтов высшего государственного управления. Русская Православная Церковь являлась крупнейшей религиозной общиной Российской империи, существование которой определялось своеобразным правовым статусом, сочетавшим элементы протестантской доктрины территориализма и государственной церковности с элементами традиционной, унаследованной от Византии симфонии.³

Как свидетельствуют статистические данные первой всероссийской переписи населения 1897 г., лица православного исповедания (вместе со старообрядцами) составляли 71% населения страны.

В иерархии религиозных сообществ Империи, выстроенной в соответствии с принципами монархического патернализма, Русская Православная церковь занимала особое положение*

¹ Коркунов Н.М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. - СПб., 1899. Т. 1, с. 496; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Свод законов Российской Империи. – СПб., 1890. Т. 14. Ст. 53; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Издано проф. Н.С. Таганцевым. 5-е изд., доп. – СПб., 1886. Ст. 196; Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. – Ярославль, 1909, с. 327-340.

² Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700 1917. Часть вторая - М., 1997. с. 58.

³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2000, с. 14.

*Статья 40 Основных законов Российской империи гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Первенство Православной Церкви выражалось в том, что российский император в соответствии с законодательством не мог исповедовать никакой иной веры, кроме православной. Закон возлагал на императора обязанность «быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоты и всякого в Церкви святой благочиния. В управлении Православной Церкви верховная власть действовала непосредственно через учрежденный ею Святейший Правительствующий Синод. Однако особенностью положения высшего церковного управления в структуре правительственных учреждений заключалось в том, что обер-прокурор при Святейшем Синоде, прежде осуществлявший только функцию надзора за законностью синодального делопроизводства, с 1835 г. получил права министра. Благодаря этому обер-прокурор стал посредником между Православной Церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору не иначе, как через обер-прокурора, занимавшего таким образом положение

В условиях российской действительности вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства оказался непосредственно связанным с вопросом о преобразовании самого церковного строя, то есть о подготовке и созыве Поместного Собора Русской Церкви, который не собирался более 200 лет. В ходе дискуссии о реформе Церкви в 1905г стало очевидным, что восстановление соборного строя Церкви и учреждение патриаршества потребует отмены или кардинального преобразования института обер-прокуратуры, что неизбежно ставило на повестку дня вопрос об отделении церкви от государства.

Представители либеральной оппозиции отстаивали необходимость политико-правового решения вопроса о полном отделении Церкви от государства в качестве неотъемлемой составляющей процесса трансформации «самодержавия» в правовое светское государство с конституцией и парламентом. Либеральный проект предусматривал равноправие всех конфессий и религиозных сообществ, отмену государственного статуса Православной Церкви как «первенствующей и господствующей», полноту реализации принципа личной вероисповедной свободы, возможность исповедания атеизма и упразднение отживших «канонических начал» российского уголовного кодекса относительно лиц, «разномыслящих в вере». Речь шла об очищении светского законодательства от канонического наследия т.н. «византизма», который либеральные правоведы интерпретировали как эксклюзивистскую претензию Православия быть единой истинной верой, из которой проистекали монополия на прозелитизм и религиозная нетерпимость.⁵

Основные требования либералов - «Свободная церковь в свободном государстве» или «в правовом государстве не может быть господствующей церкви» - стали популярными лозунгами антимонархического «освободительного движения».

В свою очередь консерваторы, включая представителей православной иерархии и клира, выступили сторонниками церковных преобразований, цель которых заключалась в восстановлении соборных принципов управления Церковью в соответствии с церковными канонами и предоставлении ей свободы в управлении внутренними делами. Церковные

подлинного министра ведомства православного исповедания. К преимуществам Православия в России следует отнести охраняемое законом эксклюзивное право миссионерской деятельности, уголовное преследование лиц, занимающихся прозелитизмом среди православных, обязательный переход в православие детей от смешанных браков, формальная невозможность отпадения от православия до 17 апреля 1905г, и т.д. Поддержание внешне главенствующей роли Православной Церкви имело целью сохранить по политическим соображениям религиозные основы взаимоотношений между Церковью и государством, существовавшие в Московском государстве в качестве византийского наследия. Той же цели служил обряд венчания на царство. См. Устав духовных консисторий. – СПб., 1892; Свод Законов Российской империи. Основные государственные законы. – СПб, 1892. Т.1. Ч.1; Свод законов Российской империи. – СПб., 1896. Т. 11. Ч. 1; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 часть первая - М., 1997. с.130.

⁵ Кистяковский А. О преступлениях против веры // Наблюдатель, № 10, 1882, с. 102; Спасович Д. О преступлениях против религии. В кн.: Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества за 1881г. – СПб., 1882. Т. III. с. 9-19; Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. - Киев, 1896. с. 9,13; Маасен К. Девять глав о свободе совести. Спб., 1882. с. 15–69; Бердников И.С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 231; Суворов Н. Курс канонического права. Ярославль, 1890. Т.2. с.231.

реформаторы, участвовавшие в работе Предсоборного Присутствия 1906г. выступали за сохранение традиционного привилегированного положения Православной Церкви в Империи, рассчитывая на прямое покровительство Императора во взаимоотношениях Церкви с государственными структурами и Всероссийским представительным органом – Государственной думой. Соборное движение в Русской Церкви ставило своей целью реконструкции унаследованного от Византии и Московского царства «симфонии» светской и духовной властей, нарушенной, с точки зрения церковных реформаторов, в результате синодальной петровской реформы.⁶

С.Н.Булгаков о положении Русской Церкви в монархической России.

В полемическом противостоянии либерально-атеистического и церковно-реформаторского направлений С.Н.Булгаков занял особую позицию внесистемного религиозного публициста. В первых своих статьях о религиозной ситуации в России он акцентирует внимание на критике взаимоотношений между Русской Православной Церковью и «самодержавным государством». Позицию С.Н.Булгакова, можно определить как православный антимонархический радикализм, в ситуации, когда Церковь и верующие считали царскую власть законной, поскольку правящий император Николай II рассматривался как царь, как государь, помазанный Церковью (царь-помазанник), обязанности и права которого по отношению к Русской Церкви вытекали из этого представления. Церковь подчинялась царской власти совсем иначе, чем любое другое административное учреждение России, ибо в отношениях Церкви к царской власти определяющими были не правовые нормы. Тут, по словам И.К. Смолича, царила особая церковно-политическая идеология не без мистической идеи. Сохранение религиозно-мистического момента во внутреннем строе отношений между Церковью и царем стало важнейшей предпосылкой того, что Православная Церковь смогла в период государственной церковности сберечь чистоту своего вероучения. Наличие у царя особой харизмы – харизмы власти, которая сообщается именно через миропомазание, - специально подчёркивалось Русской Церковью. По учению русских канонистов нового времени, при миропомазании «призывается особенная благодать Святого Духа на помазанного государя. По учению нашей Церкви, не признающие такой благодати подлежат анафематствованию и отлучению»⁷. Эта церковно-политическая идеология с её мистической составляющей, то есть идеей особой харизмы «православного царя» и его положения в Церкви стала объектом критического анализа С.Н.Булгакова. «Мы обязаны поставить и разрешить вопрос о церкви и государстве как вопрос религиозный, мы должны

⁶ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918гг.) – М., 2002, с. 228-229; Ореханов Георгий, иерей. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. – М., 2002, с. 135-136, 177-187; Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. – М., 2003, с. 248-264.

⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 часть первая - М., 1997. с. 112-130; Успенский. Б. А. Царь и Патриарх: Харизма власти в России (византийская модель и её русское переосмысление). – М., 1998. С. 24-25.

поставить религиозную проблему самодержавия, и религиозное решение вопроса будет для нас окончательным и единственно решающим»⁸.

В отличие от И.С. Аксакова и Ф.М. Достоевского, которые считали самодержавие совместимым со свободой совести, признававших особую харизму «царя-помазанника», органично связанного с народом общей верой, С.Н. Булгаков выступает с позиций тотального отрицания самодержавия, которое утвердило, по его мнению, в церковно-государственных отношениях российский вариант «цезарепапизма»*. Или, иными словами, такую систему управления Церковью, при которой «Благочестивейший самодержец, официальный защитник, покровитель и глава православной церкви есть самый злой её враг и гонитель, парализующий всю жизнь церкви»⁹.

Аргументы, которые приводит Булгаков в защиту своей позиции сводятся к следующему. Главенство в Церкви «православного царя» как помазанника Божия абсолютно неприемлемо для верующих прежде всего по догматическим причинам. Оно противоречит христианскому вероучению о природе Церкви, основанной самим Богом, Иисусом Христом, который является единственным и истинным главой Церкви. «Вопреки всяким каноническим и догматическим принципам, утверждает Булгаков, главою Церкви у нас является царь, и его представитель – обер-прокурор Св. Синода»¹⁰. Подобная интерпретация Основных законов Российской империи** не является богословски корректной, так как в данном случае положение императора как главы Церкви определяется законодательством,

⁸ Булгаков С.Н. Церковь и государство // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С.46.

* Религиозно-политическая система, при которой глава светской власти (цезарь) является фактически и главой церкви (папой). Термин «цезарепапизм» был изобретён немецким историком Й. Хергенретером для характеристики политической системы Византии, но в последствии приобрёл расширительное значение.

⁹ Булгаков С.Н. Письма из России. II. Самодержавие и Православие. (посвящается искренним приверженцам Православной церкви). // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С. 19.

** Статья 42. Император, яко Христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правотверия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследовании Престола 1797 Апр. 5 (17810) именуется Главою Церкви.

Статья 43. В управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учреждённого. (Свод Законов Российской империи. Основные государственные законы. – СПб, 1892. Т.1. Ч.1). 23 апреля 1906г. были изданы новые Основные законы, а через 4 дня собрались первая Государственная дума и обновлённый Государственный совет. В России возникла дуалистическая правовая монархия а народ получил конституцию, политические права и парламент. В Основных законах 1906г., не было новых формулировок, относительно особого положения Церкви и её отношения к императорской власти (статьи 64-65 Основных законов 1906г были тождественны статьям 42-43 Свода законов 1832), но зато изменился сам порядок принятия законов. Он мог теперь осуществляться лишь с одобрения обоих государственных органов – Государственного совета и Государственной думы. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.) - СПб., 1999, Т. 1. с. 154 –159; Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 часть первая - М., 1997. с. 120-130.

¹⁰ Булгаков С.Н. Письма из России. II. Самодержавие и Православие. (посвящается искренним приверженцам Православной церкви). // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С. 9.

созданном под воздействием протестантской доктрины государственной церковности. В соответствии с ней государь, принадлежащий к религиозной общине, составляющей большинство населения, официально именуется главой Церкви. В данном случае монарх не обожествляет себя в качестве главы Церкви (в России царь уподоблялся Христу только в акте помазания), но утверждает её статус в качестве государственной среди других религиозных сообществ России.^{***} Однако для Булгакова одинаково неприемлемы и протестантский принцип территориализма и византийские принципы симфонии Церкви и государства, специфическое сочетание которых в Российской империи определялось им как «цезарепапизм». В булгаковской интерпретации происходит религиозное отрицание традиционно понимаемого Церковью богоданного характера монархической власти в России, отрицается нравственный смысл существования монархии как формы государственного устройства, которая, с точки зрения С.Н.Булгакова не только не способствует Церкви в осуществлении спасительной миссии, но и откровенно препятствует ей в этом. «Наделённая всеми средствами могущества земного, официальная Церковь теряет самые ценные элементы, и народную интеллигенцию, и образованные классы. ... Основной особенностью этой Церкви является обожествление светской власти, её раболепство, или выражаясь эвфемистически – её преданность престолу».¹¹

Установившаяся практика взаимоотношений Церкви и монархии рассматривается в полемически заданной парадигме «цезарепапизма» и выводимого из этой парадигмы непримиримого конфликта, порождённого главенством в церкви самодержавного царя и церковно-политической идеологией, легитимизирующей это господство. Эссенциалистский характер этой парадигмы, применяемой в качестве аналитического инструмента исследования церковно-государственных отношений, утверждает указанный конфликт в качестве *реально* существующей религиозной и социальной действительности, актуальной для большинства духовенства и мирян.

Заданность конфликта, его конструируемый характер проявляется в том, что априори (вопреки исторической практике) отрицается сама возможность соработничества Церкви и российской монархии не только в сфере социальной*, но и в сугубо церковной. Это происходит потому, что концепт «цезарепапизма» избираемый для описания церковно-государственных отношений в Российской империи наделяется

^{***} А.Д.Градовский в своей интерпретации статей 41 и 42 Основных законов 1832г. пишет: «Права самодержавной власти касаются предметов церковного *управления*, а не самого содержания положительного вероисповедания, догматической и обрядовой его стороны. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 часть первая - М., 1997. с.126.

¹¹ Булгаков С.Н. Там же. с.10,18.

* Между тем, по утверждению Б.Н.Миронова, в течение XIX – начала XX в. **российское самодержавие являлось лидером модернизации**, бесспорным проводником экономического, культурного, и социального прогресса в стране. Существенные, может быть, наибольшие успехи за всю историю России были достигнуты в два последние царствования, при активном участии верховной власти и её правительства. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.) - СПб., 1999, Т. 2. с. 227.

идеологическим содержанием и служит инструментом политической борьбы. Участие верующих в «освободительном движении», декларирующем необходимость отделения Церкви от государства, обосновывается не только догматически, но и нравственно как веление христианской совести. В свою очередь, применение вышеуказанного концепта позволяет описывать практику церковно-государственных отношений в негативистских категориях «порабощения» и «пленения» Церкви, а идеологию, утверждающую о неразрывности внутреннего союза Православия и российской монархии, о наличии их мистической связи как «кощунство», «религиозную ложь» и «хулу» на Церковь. При этом, однако, Булгаков всегда подчёркивал, что действительное отношение Церкви к государству никогда не было догматическим цезарепапизмом.¹²

Из декларируемого богословского тезиса о недолжном смешении Божиего и кесарева (сфер служения Церкви и государства) Булгаков делает радикальные политические и эkkлезиологические выводы. Накануне революционных потрясений 1905г. он писал: «Из характера отношений между православием и самодержавием следует, что политический переворот в России явится вместе с тем, и коренной церковной реформой – революция одновременно будет и реформацией. Русская реформация будет несомненно прежде всего церковно-административной и выразится в ниспровержении цезарепапизма и освобождения Церкви».¹³

Взгляды С.Н.Булгакова о неразрывной связи политических и церковных преобразований в России разделяли А.В.Карташов, В.Свенцицкий, В.Эрн, священник К.Аггеев, объединившиеся вокруг журнала «Век» в 1906г.

Тотальное отрицание существующих церковно-государственных отношений подводит автора к *религиозному* обоснованию необходимости политической борьбы с самодержавием, прежде всего для самих верующих, во имя освобождения Церкви от «ига цезарепапизма», разрушения внешнего и внутреннего союза Церкви и государства. Следуя Вл.Соловьёву, Булгаков призывает Русскую церковь в лице Поместного Собора отречься от союза с самодержавием, отказаться от своего привилегированного положения, гарантом сохранения которого является монархия, и ходатайствовать перед светской властью об отмене духовной цензуры и утверждении в России полной свободы совести, неотъемлемой от свободы политической. «Церковь голосом церковного собора должна сказать государству, что статьи 42-43 Основных законов государства без ведома и согласия Церкви объявлены законом быть не могут, что Церковь отказывается признать их законом, и если светская власть будет настаивать, то отказывает в повиновении кесарю, претендующем на Божие. Итак, высшее достоинство и призвание Церкви требует разрыва той связи

¹² Булгаков С.Н. Церковь и государство // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С.56; Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – СПб., 1997. С.11.

¹³ Булгаков С.Н. Письма из России. II. Самодержавие и Православие. (посвящается искренним приверженцам Православной церкви). // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С. 20.

между «православием и самодержавием», которая недолжным образом установилась в России нового времени».¹⁴

Упразднение союза «самодержавия и православия» и, соответственно, мер государственного принуждения в вопросах религиозного самоопределения личности рассматривается Булгаковым в качестве необходимого условия установления независимого существования Церкви на правах частного союза в новом государстве, которое должно носить последовательно светский характер.

В конечном итоге позицию, занятую Булгаковым в отношении церковно-государственных отношений в России можно интерпретировать как попытку инструментализации экклезиологии в качестве средства политической мобилизации православной «общественности» для борьбы за отделение Церкви от государства и осуществление церковной реформы. В данном случае мы являемся свидетелями парадоксальности булгаковской методологии, когда экклезиологический ригоризм, то есть отрицание церковной икономии как догматически и нравственно несостоятельной, во имя последовательной акривии в церковно-государственных отношениях, трансформируется в политический призыв к секулярно-рациональному переустройству общественной жизни.

Булгаков не может примириться с реальной ситуацией, сложившейся в России, когда постабсолютистская Империя, управляемая конституционной монархией, не могла и не хотела отрываться от Церкви, Церковь же в её целокупности также не желала и не могла стремиться к отделению от государства. Более того, в Империи, большинство населения которой составляло русское православное крестьянство, отделение Церкви от государства при сохранении монархии, как власти, получившей божественную санкцию в чине венчания на царство, привело бы к ослаблению социальной устойчивости исторической российской государственности. По утверждению И.К.Смолича, народное сознание продолжало настаивать на внутренней связи государя с Православной Церковью и постоянном укреплении этой связи в силу освященной традиции.¹⁵

Последовательное отрицание государственной концепции свободы совести и православного монархического патернализма, приводит С.Н.Булгакова к разработке позитивного сценария устройства церковно-государственных отношений. Осуществление «должного» разделение сфер служения Церкви и государства, которое произойдет после упразднения системы «цезарепапизма», не означает, что Церковь оставляет государство вне религиозного попечения. Между ними с точки зрения С.Н.Булгакова, должно существовать в идеале «какое-то внутреннее соглашение и согласие».¹⁶ Церковь должна стремиться к тому, чтобы государство, действуя своими собственными средствами, в политической практике

¹⁴ Там же. ...с. 58-59.

¹⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 часть первая - М., 1997. с.130.

¹⁶ Булгаков С.Н. Церковь и государство // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С.63.

руководствовалось критериями христианской морали. Что же касается позиции христиан, подданных государства, христианская вера, в свою очередь, повелевает им быть христианскими гражданами. Аргументы, к которым прибегает Булгаков, конструируя процесс формирования новой симфонии разделённых властей и обретения ими новой внутренней связи опирается на тезис Вл.Соловьёва о «христианской политике» утверждаемый в русле учения о Богочеловечестве, в основе которого лежит христологический догмат. «Христианская политика» как способ реализации заложенного в христианском вероучении потенциала преобразования социума, в политико-правовой сфере соответствует, с точки зрения его сторонников, демократическим принципам свободы личности. Реализуемая в условиях свободы эта политика призвана устранить и «недолжное смешение Церкви и государства и недолжное их отчуждение».¹⁷ Новая симфония властей в секулярном российском государстве, декларируемая С.Н.Булгаковым в качестве проекта построения церковно-государственных отношений, является попыткой богословско-политологической интерпретацией идеи Вл.Соловьёва о «свободной теократии». «Истинное отношение Церкви и государства, без сомнения, есть обоюдная свобода, но не отрицательная свобода равнодушия, а положительная свобода согласного взаимодействия в сослужении одной общей цели – устройства истинной общественности на земле».¹⁸

Рецепция богословских идей С.Н.Булгакова Поместным Собором РПЦ.

Богословская позиция, которую последовательно занимал С.Н.Булгаков в оценке религиозно-политической системы императорской России, оказалась востребованной Поместным Собором Русской Церкви после февральского переворота 1917г. По поручению соборного отдела им был подготовлен доклад «О правовом положении Церкви в государстве» и проект декларации «Об отношении Церкви к Государству». Процесс разрушения исторической российской государственности, начавшийся после свержения монархии, привёл к известной корректировке взглядов Булгакова на принципы функционирования церковного организма в постмонархической России. Трансформация богословских воззрений осуществлялась в русле идей церковного реформаторства 1905-1907гг., очищенных от антимонархической риторики.

В своих выступлениях на Соборе Булгаков предстаёт в качестве противника полного отделения Церкви от государства в его либеральном понимании, полагая, что в новых политических условиях «абсурдно говорить об отделении Церкви от государства, предоставлении государству исключительно мирского господства и уходе церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни».¹⁹ Такая интерпретация проблемы недопустима

¹⁷ Булгаков С.Н. Церковь и государство // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Т.2. Статьи и работы разных лет.1902-1942. – М., 1997. С. 71.

¹⁸ Соловьёв В.С. О духовной власти в России // Соловьёв В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. – М., 1989. с.56.

¹⁹ Булгаков С.Н. О правовом положении Церкви в государстве. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т.4. Деяния XLI – LI. – М., 1996. С. 8.

прежде всего с религиозной точки зрения. Опираясь на догмат о Боговоплощении, Церковь не может отказаться от «земного делания» в «духе христианства». В новых исторических условиях возникает насущная необходимость христианизации светского государства в любых его формах. Эти формы власти уже не нуждаются подобно свергнутой монархии в божественной санкции, в освящении Церковью того или иного политического строя. Церковь может оправдать всякую политическую форму государственности только в том случае, если власть действует в соответствии с духом Христовым. Противление этому духу превращает всякую государственность, как монархическую, так и демократическую, в царство «зверя». В своём отношении к государству Церковь исходит из принципа долженствования, в соответствии с которым, всякая власть должна быть христианским служением. Меры внешнего принуждения, насилующие религиозную совесть иноверных российских граждан, признаются не соответствующими высокому достоинству Церкви. Новое российское государство, если оно не захочет порывать с исторической и духовной традицией, само должно охранять первенствующее положение Православной Церкви в России. Основанием для такого утверждения служит вывод о том, что «Русское государство исторически обязано Церкви своими устоями и крепостью; поэтому оно и сейчас не должно порывать связи с нею, если не хочет совершить чудовищного преступления и осквернить святая святых русского народа».²⁰ Таким образом, Булгаков предлагает на соборное утверждение принципы «христианского претворения государственности силою церковности»²¹, для политико-правовой реализации их в условиях постмонархической российской действительности.

Основные принципы построения взаимоотношений Церкви и государства, изложенные в докладе и в Декларации после детального обсуждения, были восприняты Поместным Собором 1917–1918 гг, который в своём Определении о «Правовом положении Православной Российской Церкви, подготовленным для Учредительного собрания, провозгласил:

1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее её как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство...

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти.

²⁰ Булгаков С.Н. О правовом положении Церкви в государстве. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т.4. Деяния XLI – LI. – М., 1996. С.13; Там же. Проект Декларации «Об отношении Церкви к государству». С.15.

²¹ Булгаков Сергей, прот. Православие. Очерки учения Православной Церкви. 3-е издание. – Париж, 1989. С.343.

Важнейший вывод, сделанный при обсуждении этого документа звучит следующим образом: «Церковь должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения»²².

Таким образом, богословскую позицию С.Н. Булгакова можно считать соборным ответом Церкви на политический вызов революционной эпохи. К этому следует добавить, что «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000г, в частности, положения раздела III «Церковь и государство» испытали на себе воздействие соловьевско-булгаковского понимания идеала церковно-государственных отношений.

²² Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви 1917-1997. – М., 1997. С. 38.